

Л. А. БУЛАХОВСКИЙ

К лексике «Слова о полку Игореве»

1

«...нѣ своя вещиа прѣсты на живая струны вѣскладаше; они же сами князем славу рокотаху».

Перевод последнего слова никогда не вызывал затруднений — его передавали созвучным русским «рокотали».¹ Точен ли этот перевод — в этом, однако, можно сомневаться. Вот несколько замечаний или, скорее, вопросов, относящихся к этому слову. Вне восточнославянских языков слово «рокот» или производные от него, вообще говоря, не известны. В самом русском литературном языке и «рокот», и «рокотать» — книжны; «рокотать» в «Толковом словаре» под ред. Д. Н. Ушакова имеет еще помету «поэт». Параллельные этим словам звукоподражательные есть в сербском, но с наименее подходящими для поэтического текста значениями: «рокот» — «хрюканье», «рокати» — «хрюкать».

Из древнерусского языка И. И. Срезневский в «Материалах для словаря древнерусского языка» «рокотати» приводит только для текста из «Слова о полку Игореве». Кажется, ни этот глагол, ни имя существительное, от которого он произведен, до сих пор не обнаружены в других памятниках, ни в русских, ни в церковнославянских. В русском литературном языке позднейшего времени «рокотать», по-видимому, тоже не было обычным; по крайней мере «Словарь церковнославянского и русского языка» (изд. 2-е, Акад. наук, III, СПб., 1867) сопровождает и «рокотать», и «рокот» замечанием «стар.» и при первом дает ссылку только на «Слово о полку Игореве». Все это создает впечатление исторической уединенности данной этимологической группы. И вместе с тем, думаю, что если учесть особенную подвижность семантики звукоподражательных слов, есть основания видеть в ней действительное наследие древности, может быть даже не только одной восточнославянской. Основа слов «рокот», «рокотать», судя по В. И. Далю, известна русским (великорусским) говорам не только в таком виде, но и в виде «рокт» (вят. «кипеть»), «бить ключом»: «вода рокчет»; «ворчать», «брюзжать»), т. е. с огласовкой, сходной с сербской, хотя и с другим значением.² В украинско-русском словаре под ред. Гринченко «рокотати», «рокотіти» — «греть»,

¹ Т. е., согласно толкованиям наших наиболее авторитетных словарей, значением «грохотать», «греть», «звично перекаtywаясь, звучать» (В. И. Даль); «издавать или производить рокот, мелодичный и однообразный воркующий звук; сходный с этим звуком гул или шум» (словарь под ред. Д. Н. Ушакова); «издавать рокот — однообразный раскатистый звук, приглушенный гул, грохот» (С. И. Ожегов).

² О древних вариациях -ot(ь), -yt(ь) см.: W. Vondrák, Slav. vergleich. Gram., I (изд. 1924 г.), § 553.

«рокотать» сопровождаются ссылкой на Г. Ф. Квитку-Основьяненко — «Грім так и рокотить»; в белорусском — «рокат» — «рокот», «ракатаць» — «рокотать». Древность образований в обоих последних языках может, однако, быть подвергнута сомнению, и вопрос о них требует обследования в говорах. Не из русского ли литературного языка XIX в. это слово проникло в тот и другой, как, по-видимому, к русскому влиянию восходит и чешск. *rokotati*?

Изменение «рокотать» на укр. «рокотати» могло быть делом словесной работы самого Квитки. В памятниках украинского языка, насколько знаю, это слово не встречается. В картотеке Института языковедения им. А. А. Потебни Академии наук УССР, правда, есть «XVII: 1606 „Рокоть великій подъ Вислицю былъ противъ королеви“, — Літ. лъв. 236/264», но «рокотъ» в этом тексте походит на «ропот», контаминированное с *рокoш* «возмущение» (ср. пол. *gokosz* в последнем значении).

Итак, никаких надежных исторических свидетельств в пользу древнерусского «рокотати» с одним из возможных «поэтических» значений, помимо «Слова о полку Игореве», пока, кажется, нет. Это, впрочем, и не должно особенно удивлять, поскольку такое значение не могло достаточно часто заявлять о себе в подавляющем большинстве дошедших до нас текстов. Но нельзя также в «рокотаху» «Слова» видеть что-либо «подозрительнсе», хотя бы уже потому, что основа «рокот» известна и вне «Слова о полку Игореве», а различие значений у звукоподражательного слова не представляется редкостью.

2

«Уже соколома крыльца припешали поганых саблями, а самую опустоша в путины железны».

Слово «путины» в этом тексте не представляет трудности для понимания, и уже первые переводчики передали его близко к тому, как его следует понимать: «и сами они попались в опутины железные». Неверно передано в этом переводе было только слово «опустоша», явно представлявшее искажение первоначального «опуташа», т. е. «опутали». Судя по «Материалам» И. И. Срезневского, вне «Слова о полку Игореве» слово «путина» как будто не засвидетельствовано.

Дело, однако, не в самом этом слове, этимологически совершенно прозрачном и восходящем к обычному слову *путо*. Мне кажется, что форма, употребленная в «Слове о полку Игореве», проливает свет на один трудный вопрос истории русского языка — замену звуком *т* фонетического согласного *ч* в слове «паутина». Я не разделяю мнения А. И. Соболевского, высказанного им уже очень давно и неоднократно повторенного другими, будто «паутина» вместо старого «паучина» возникло под влиянием областного слова «паут» — «овод», слова, конечно, областного и далекого от него по значению, хотя в очень узкой диалектной области, и вытеснившего прежде — *паук*.

Неясно мне замечание В. В. Виноградова,³ будто и «паук» (ср. «паутина») является по своему происхождению областным словом: «паук» — одно из бесспорно древнейших славянских слов, определенно известных всем восточнославянским языкам и русскому языку почти в целом (хотя диалектно и встречаются замены его другими — вроде «тенетник»); иное дело — огласовка «паутина» вместо, а иногда параллельно со старой — *паучина*. Этой огласовкой, против старой, фонетической *паучина* (в па-

³ В. В. Виноградов. Великий русский язык, 1945, стр. 78.

мятников — только так), в настоящее время охвачены, кроме русского языка, еще и белорусский язык («паўціна» — из *«паўтіна»), и украинский («павутина» с вариантами «павутіння», «паутина» и диалектно со старым «павучіна»); таким образом, соответствующая замена старого согласного ч в этом слове, возможно, произошла уже давно (предположить позднюю передачу такого новообразования из одной области восточнославянского языка широкого распространения к другим трудно).

Отклонение в слове «паутина», по всей вероятности, вызвано воздействием на старое «паучина» какого-то слова, близкого к нему по смыслу. Какого именно? Много лет назад в заметке «О слове „паутина“», опираясь на аналогию из словенского языка, я высказал догадку о возможности влияния в данном случае слова «тина».⁴ В настоящее время мне представляется более вероятным допустить воздействие слова, по смыслу более близкого к «паутина», — старого (общерусского?) слова «путина», свидетельствуемого в XII в. «Словом о полку Игоре».

Два замечания об акцентных моментах. Принимая во внимание ударение глагола «путь», серб. «пўто» и подобные указания других славянских языков, с наибольшим вероятием можно было бы думать об ударении «*пўтина».⁵ На «паучіна» слово с таким ударением вряд ли могло бы влиять. Можно, однако, думать, что старое «паучина» еще произносилось, в соответствии с показаниями других славянских языков, с ударением в начальном слоге; ср. серб. «пўчина», словен. rājčina и др. Нынешнее восточнославянское ударение — «паўтіна» и т. д. — со сравнительно-исторической точки зрения является новообразованием, вероятно, обязанным влиянию в свою очередь сместившихся (под влиянием суффикса «-ук», род. п. «-укá» и т. д.) названий паука: русск. «пáук», род. п. «пáукá», укр. и белорусск. «павúк», род. п. павука́» (ср. древнее место ударения в серб. «пáук», словен. rājek).

3

«Един же Изяслав сын Васильков позвони своими острыми мечи о шеломи Литовския; притрепа славу деду своему Всеславу, а сам подь черлеными щиты на кроваве траве притрепан Литовскими мечи. И схотию на кровать, и рек!: дружину твою, княже, птицъ крылы приоде, а звери кровь полизаша».

К этой части текста «Слова», как известно, существует много толкований, ряд которых очень остроумен и безусловно заслуживает внимания. Я уже имел повод высказываться о них⁶ и сейчас не предполагаю возвращаться к этому отрезку текста в целом. Полезно, как мне кажется, теперь добавить по поводу слова «притрепати». Думаю, что моя попытка понять слово в духе того, как его, видимо, понимал автор «Задонщины», была неудачна, и от нее надо отказаться. Традиционное понимание в его основе (ср. «разбить», «сразить» в «Материалах» И. И. Срезневского) ближе к сути дела, и для него можно дать довольно вероятное обоснование. Ко-

⁴ Л. А. Булаховский. Russ. паутина, ukr. павутина. «Spinnewebe» und «Verwandtes» — Zeitschr. f. slav. Phil., VIII, 1—2, 1931, стр. 108—110.

⁵ К типу см. в статье автора «Очерки восточнославянского ударения» (Филологический сборник Киевского гос. университета, № 8, стр. 40—43).

⁶ См. «Слово о полку Игоре»е. Сборник исследований и статей под редакцией чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР. 1950, стр. 152—153, а также: Л. А. Булаховский. 1) О первоначальном тексте «Слова о полку Игоре»е. — Изв. АН СССР, Отд. лит. и яз., XI, в. 5, 1952, стр. 445; 2) Заметки к спорным местам «Слова о полку Игоре»е. — Радянське літературознавство, 18, 1955, стр. 50—51.

рень «треп-» в значениях «бить» и «убивать» абсолютно надежно свидетельствуется современным болгарским языком: «трéпя» — «убиваю». Это слово употребляется также в родопских говорах. Родственные слова в других славянских языках существуют,⁷ но по своим значениям далеки от обоих этих значений в болгарском и от тех, которые можно принять для соответствующего отрезка «Слова». Последние лучше всего объединяются в общем «губить». В качестве параллели сравни значения древнерусского «истеряти».

Вероятно, этот болгарский глагол в прошлом относился к классу -je- (3-му) и, таким образом, принципиально совпадал в настоящем времени изъявительного наклонения с нынешними русскими формами «треплешь», «треплет» и т. д., по отношению к которым в системе инфинитива должно было выступать именно -а-: «трепати».

Что касается префикса «при-», он, конечно, не очень подходит по смыслу к словам, в которых мы его имеем здесь в «Слове о полку Игореве»; но вполне вероятно, что по крайней мере в «притрепанъ Литовскими мечи» мы имеем дело с соответственной заменой на «при-» старого «прѣ-» с результиративным или близким к этому значением.

Впрочем, принимая во внимание хотя бы русское народное «прибить», близкое к значениям «губить» и «убить», можно не очень настаивать на необходимости этого допущения. Важно во всяком случае, что значения группы «убивать» не «выдуманы», а действительно существуют в одном из славянских языков и, таким образом, без всякого серьезного риска могут быть приписаны и русской книжной старине XII в.

⁷ См., например: F. Miklosich, *Etymol. Wörterbuch der slav. Spr.*, 1886, стр. 261.